

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ТОСКА ПО РОДИНЕ. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. Москва. В тип. Николая Степанова. 1839. Две части. В 12-ю д. л. В I-й части 222, во II-й -- 300 стр.

Появление каждого нового романа г. Загоскина -- праздник для российской публики. Едва узнает она, что любимый ее романист собирается ей сделать подарок,-- она уже опускает нетерпеливые руки в карман; едва подарочек появится в книжных лавках -- и уже нет его, уже он весь расхвачен, и российская публика, вынув обе руки из карманов, крепко держит ими три или две новенькие, изящно изданные книжечки. Одним словом, российская публика смотрит на г. Загоскина, как на *своего* писателя, да и г. Загоскин обращается с нею откровенно, запросто, по пословице -- что на уме, то и на языке. Потому-то и романическая слава его утверждена на прочном основании. Публика не хочет и знать, что говорит о нем критика: она знает его сама, а на критику смотрит, как на непризванного судью в чужом семейном деле. Критика сперва было косилась на романы г. Загоскина, но после, увидев, в чем дело, положила себе за правило говорить о его романах заодно с публикою. И хорошо делает!

В самом деле, для успеха на литературном поприще довольно одного таланта, а г. Загоскин, кроме несомненного и притом сильного таланта, одарен еще и этою теплотою души нараспашку, которая свойственна только одному русскому человеку, и полон интересов, всем равно доступных, умея притом высказывать их хотя несколько и однообразным, но тем более всем равно доступным манером. Основная идея его романа -- необходимость любви к отечеству и уважение ко всему отечественному. Конечно, всякая мысль, которая является вне художественного и литературного интереса, самостоятельно и особно от формы, принимая ее совершенно случайно, не как необходимое условие своего осуществления, но как средство высказаться,-- такая мысль неизбежно делается отвлеченною и мертвою, а романы, порождаемые ею, *дидактическими*; и давно уже решено, что дидактическая поэзия -- род фальшивый и чуждый вдохновения,-- но этого нисколько не должно относить к мысли, проповедуемой г-м Загоскиным: она так близка к сердцу каждого и сама по себе является столь интересною и обольстительною, что никогда не утратит своей силы над душами, как бы ни была странна и неудовлетворительна ее форма.

И романы г. Загоскина служат лучшим доказательством этого: несмотря на то, что г. Загоскин исчерпал всю глубину своей задушевной идеи, выказал ее нам со всех сторон, так что мы не знаем, что он будет говорить в своем новом романе, если вздумает написать его,-- несмотря на это истощение дотла, его романы, благодаря согревающей их идее, всегда принимаются за новые, сообразно с годом, который выставляется на их заглавном листке.

Новый роман г. Загоскина отличается теми же недостатками, или, если угодно, теми же достоинствами, какими отличались прежние его романы. Постараемся заметить эти достоинства. Хотя роман давно уже прочтен российскою публикою, однако мы необходимо должны изложить, сколько можно короче, его содержание, чтобы представить нашим читателям данные, на которых основываем свое суждение о нем, и чтобы напомнить его тем, которые уже успели забыть его или смешать с другими романами того же автора, что очень возможно по однообразию их идеи и одинаковости рассказа.

Владимир Сергеевич Завольский, ныне отставной гвардии штабс-капитан, есть герой нового романа г. Загоскина; он сам рассказывает трогательную и поучительную историю своей жизни. Этот Завольский однажды катался на катере с другом своим, Иваном Алексеевичем Бурминым, лейтенантом балтийского флота. По приказанию Бурмина катер направился от Гагаринской пристани на Крестовский, между тем как приятели вели разговор, из которого мы узнаем, что Завольский отправляется завтра за границу, именно в Испанию, ибо он выучился по-испански, чтобы читать "Дон Кихота" в подлиннике, а не на восток, куда он собирался прежде и где ему пришлось бы таскать с собою переводчика. Сверх того, он в особенной пассивности от Андалузии, в которой, как ему рассказывал друг его, англичанин, и шнуровок не знают, потому что каждая женщина создана так, что уж тут нечего делать никакой корсетнице. Во время